Под музыку любви

Автор:
Элен Алекс

Под музыку любви

Элен Алекс

Ребекка живет в маленьком городке на берегу океана. Она снимает домик для гостей у миссис Корнуэл и работает в небольшой частной парикмахерской. Все бы было хорошо и обычно во всей этой истории, если бы Ребекка не напоминала миссис Корнуэл одну известную актрису, которая десять лет назад после трагедии на съемках в заснеженных горах пропала с радаров мировых новостей…

Как сочинить хороший роман? Надо мысленно разделить будущее произведение на четыре части. Вступление, завязка, развязка и окончание. И начать творить. Но для этого нужно сначала придумать такой сюжет, от которого душа станет гореть. А это самое сложное.

Как снять хороший фильм? Надо разделить будущий фильм на три части. А потом набрать группу людей, на которых придется орать с утра до ночи, подорвав к концу съемок свою нервную систему вот уже в который раз.

Но для этого нужно найти такой сценарий, от которого чуть ли не горячкой можно заболеть. А это самое нереальное.

Как сделать хорошую прическу? Надо мысленно разделить голову на две части и попытаться понять, какой части головы какая прическа пойдет.

Для этого нужно, чтобы кто-нибудь с утра пораньше зашел в эту богом забытую парикмахерскую. Но это вообще из области фантастики.

1

– Хочу быть смотрителем маяка или почтальоном на необитаемом острове.

Ребекка Голди сидела в огромном коричневом кресле из кожзаменителя, держала во рту сигарету и уже несколько раз пощелкала зажигалкой.

Линда Литгоу сидела в таком же большом кресле и подозрительно смотрела на подругу.

– Почему? – спросила Линда.

Ребекка пожала плечами.

– Мне кажется, – задумчиво сказала она, – что у человека, который живет на необитаемом острове, все желания должны сбываться.

Линда улыбнулась.

– Ну, – сказала она, – это еще неизвестно.

– Известно, – сказала Ребекка. – Только на необитаемом острове человек принадлежит самому себе.

– Ты думаешь?

– Да, – кивнула Ребекка, – потому что там не нужно обращать внимание на условности, правила и другие выдумки цивилизации.

Линда задумалась.

– Может, ты и права, – наконец сказала она.

Ребекка тем временем опять щелкнула зажигалкой.

– Кстати об условностях, – улыбнулась Линда. – Сейчас закуришь, и миссис Корнуэл выгонит нас обеих из своей парикмахерской.

– Пусть выгоняет, – сказала Ребекка, – мы с тобой придем посмотреть, кто к ней на работу вместо нас пойдет. За такую-то зарплату.

– Не волнуйся, – сказала Линда, – желающие найдутся, мы же нашлись.

– Ну-у, – протянула Ребекка, – мы с тобой – это исключение. Вспомни, никто больше на объявление так и не откликнулся.

– Свято место пусто не бывает.

– Еще как бывает, – улыбнулась Ребекка, – мы с тобой уже столько времени свободны, а еще ни один ошеломляюще порядочный джентльмен не подъехал к ступеням нашего дома в своем до блеска отмытом кабриолете – провести с нами прекрасный остаток своей жизни.

Линда рассмеялась.

– Ты только полгода свободна, – напомнила она, – тебе грех жаловаться.

– С прошлого Рождества! Ах, действительно только полгода.

– А жених-то какой у тебя был! – сказала Линда. – Какой жених!

– Да! Целый месяц ухаживал!

Девушкам было очень весело. Не такой уж ценный жених, видать, был.

Ребекка опять щелкнула зажигалкой.

– Вот поэтому никто и не идет в мою парикмахерскую, – констатировала миссис Корнуэл, незаметно входя в салон через заднюю дверь, – потому что у меня

работники курят.

А ее-то зачем в такую рань сюда принесло, подумали Линда и Ребекка, мы бы на ее месте еще спали и спали.

– Вы бы свою парикмахерскую еще с пяти утра открывали, – сказала Линда, – у вас бы вообще от клиентов отбоя не было.

– Кто рано встает – тому Бог подает, – назидательно сказала миссис Корнуэл.

– Забудьте, – улыбнулась Ребекка, – в наше время такие поговорки неактуальны.

Миссис Корнуэл строго посмотрела на нее.

– В ваше время «Работа не волк, в лес не убежит» актуально? – сказала она.

– Да, что-то в этом роде, – ответила ей Ребекка и непочтительно зевнула в ладонь.

Миссис Корнуэл оскорбленно посмотрела на нее. Если бы эта девушка не напоминала ей одну актрису, она бы ее и близко к своей парикмахерской не подпустила.

Миссис Корнуэл ее, понимаешь ли, только для эстетики на работу и взяла. А то, что Ребекка Голди какие-то там парикмахерские курсы когда-то окончила, это еще курица надвое сказала.

Она по полчаса на голову клиента смотрит, прежде чем ножницы в руки взять. Настоящие парикмахеры так себя не ведут.

Настоящие парикмахеры чуть ли не на пороге парикмахерской встречают всех своих клиентов с ножницами в руках и мечтают каждого второго наголо подстричь. Вот как ведут себя настоящие парикмахеры!

Линда Литгоу, например, так себя и ведет. Побывав у нее в руках, клиенты долго и с недоумением всматриваются в зеркало, старательно натягивают на лоб коротко остриженные челки, но все равно возвращаются.

А у Ребекки Голди клиенты так и остаются с той же длиной волос, с какой пришли в парикмахерскую. Нет, разумеется, все тактично хвалят свои новые прически, и делают вид, что эти прически сильно изменились, и даже опять приходят сюда стричься.

Но только это еще не показатель того, что Ребекка их прилично подстригла. Так что от нее – одна эстетика.

Монтгомери Холден докурил сигарету, выбросил окурок в урну и вошел в парикмахерскую. Три грации, одна из которых была в почтенном возрасте, онемели.

Не ожидали, что в их парикмахерскую явится белокурый двухметровый принц в семь часов утра. Ну ладно, не принц. Так, король в возрасте.

А зачем тогда график работы – с семи утра – на дверях повесили? Чтобы теперь так удивляться? Пока Монтгомери все это обдумывал и вежливо рассматривал помещение, к грации постарше вернулся голос.

– Проходите, пожалуйста, проходите, – стала приветливо улыбаться ему миссис Корнуэл, ненавязчиво подталкивая залетного посетителя к креслу Линды, – мы рады всем своим клиентам!

Миссис Корнуэл непременно нужно было отвести этого клиента от кресла Ребекки Голди. И на это у нее было много причин.

Ей никак нельзя было показать, как ее встревожило появление этого мужчины на пороге парикмахерской, и поэтому она быстро мобилизовалось. Ведь в парикмахерскую вообще-то кто угодно мог в любое время войти, на то она, собственно, и парикмахерская.

Ребекка Голди сидела в своем кресле как примороженная и во все глаза смотрела на посетителя. У нее не было никаких сил сдвинуться с места.

Линда Литгоу проворно вскочила и тоже стала приветливо улыбаться новому клиенту. Как миссис Корнуэл и учила.

– Я буду стричься у той девушки, которая хочет быть смотрителем маяка или почтальоном на необитаемом острове, – сказал мужчина.

– Что? – растерянно оглянулась на Ребекку миссис Корнуэл.

Этого только еще не хватало.

– Что? – сказала Ребекка.

Ее незажженная сигарета неожиданно упала на пол. Ребекка закашлялась. Посетитель пристально смотрел ей в глаза.

– Вы, стало быть, подслушивали? – чуть слышно сказала Ребекка.

– Я докуривал сигарету на крыльце, – улыбнулся ей клиент, – это не возбраняется?

Ребекка молчала.

– Не возбраняется, – растерянно сказала вместо нее миссис Корнуэл.

Какие такие еще смотрители маяка и почтальоны у нее в парикмахерской? Надо бы и всякие разговоры на отвлеченные темы в рабочее время запретить, а то мало ли что из этого выйдет.

Возбраняется, мысленно ответила ему Ребекка Голди, когда клиент, улыбаясь самой белоснежно-безупречной улыбкой, как ни в чем не бывало направил свои стопы к ее креслу.

Подошел, поднял упавшую сигарету и протянул ее Ребекке. Возникла неловкая пауза. Ребекка так и не могла встать с кресла.

Откуда он знает? Как он понял, что это я сказала? – думала Ребекка. Но задавать вопросы не решилась.

Миссис Корнуэл, сложив руки на груди, исподлобья смотрела на Ребекку. Рядом с миссис Корнуэл стояла Линда и тоже весьма заинтересованно наблюдала за происходящим.

Почему Ребекка Голди сидит как примороженная в своем кресле и не сводит глаз с непрошеного утреннего гостя? Вроде парикмахерская на то и парикмахерская – сюда волен кто угодно зайти.

Наконец Ребекка, тяжело вздохнув, встала с кресла и уступила место клиенту. Взяла у него из рук сигарету и выбросила ее в мусорную корзину.

– Бросаете? – спросил клиент.

– Что? – сказала Ребекка.

Мужчина сел в кресло.

– Курить бросаете, – пояснил он, – игра слов.

– Ах да, – сказала Ребекка, – бросаю. Наглядная демонстрация.

– Какая игра слов и демонстрация? – сказала миссис Корнуэл.

– Извините, у меня работа, – сказала Ребекка и повернулась к ней спиной.

Взялась за спинку кресла. И себя постаралась взять в руки. Игра слов.

Уволю. Завтра. Ну хорошо, послезавтра, пообещала самой себе миссис Корнуэл, покидая небольшое помещение парикмахерской.

Но Ребекке было уже не до нее. Она незаметно разглядывала гостя. Узнал? Не узнал? Случайность? Совпадение? Провидение?

Что же это такое опять творится? Куда ей теперь-то бежать? Она и так уже от своего прошлого на краю света укрылась, а ей и тут покоя нет.

Выглядела ли она достаточно спокойной и равнодушной? Никто не заметил, что у нее чуть сердце не остановилось, когда она услышала этот голос?

– Как будем стричься? – спокойно спросила Ребекка у посетителя.

– Я думал, вы знаете. – Он внимательно разглядывал ее в зеркале.

– Откуда я знаю? – напряглась Ребекка.

– Это же вы же парикмахер, а не я, – вежливо напомнил мужчина.

– Ах, вот вы о чем. – Ребекка незаметно перевела дух. – А ваши пожелания?

– Если можно, покороче, – улыбнулся ей Монтгомери Холден, – а то у вас здесь слишком жарко. – Он обвел рукой пространство, имея в виду горячий южный город. – А вы бы что посоветовали?

– Мне нравятся мужчины с отросшими волосами, – призналась Ребекка.

Хорошо, что миссис Корнуэл ее не слышала. Если, конечно, она не возжелала задержаться за дверью. Ребекка покосилась на заднюю дверь.

– Ушла, совсем ушла, – улыбнулась Линда.

– Ручаться нельзя, – сказала Ребекка.

– Что, все так строго? – спросил мужчина, принимая живое участие в разговоре.

– Нет, вообще-то мы дружим, – пояснила Линда, – но все-таки мы наемные работники, и нам надо соблюдать некую субординацию.

– А-а, – сказал он, все так же с интересом разглядывая Ребекку.

Надо бы отвлечь его изумительно короткой прической, подумала Ребекка. Но знала, что коротко остричь – опять рука не поднимется.

Ей нравились длинные волосы, которые переливались на солнце, путались от ветра и соленых брызг океана, пахли лесом и дождем. Это естественно, это сама природа.

Линда с завистью смотрела на густую шевелюру клиента. Вот бы все это – ей в руки. Она бы камня на камне не оставила, ну волоска на волоске.

– Меня зовут Монтгомери, – сказал тем временем мужчина, глядя в зеркало в глаза Ребекке.

Ребекка старалась не встретиться с ним взглядом.

– Очень приятно, – сказала вместо нее Линда, – меня Линда зовут, а ее – Ребекка.

Ей хотелось подойти и толкнуть локтем подругу, чтобы она была повежливее.

– Мне тоже очень приятно, – сказал Монтгомери, продолжая ловить взгляд Ребекки в зеркале.

Ребекка тем временем набросила ему на шею длинную накидку и застегнула ее сзади на застежку. Вздохнула. Взяла в руки ножницы. Опять вздохнула. И осторожно дотронулась пальцами до белокурой, с легкой незаметной проседью, густой шевелюры.

2

Ребекке Голди было чуть за тридцать, и внешность у нее была самая обыкновенная. Но это только на первый взгляд. Светло-голубые глаза, густые ресницы, задумчивый взгляд и тонкие черты лица делали ее натурой тонкой, глубокой и загадочной.

Свои длинные волнистые волосы она закалывала на манер домохозяек в большой пучок на затылке. Но смотрелась эта прическа, по меньшей мере,

двухчасовой укладкой на голове королевы.

Два тончайших крохотных шрама, один у правого виска, второй чуть ниже, на щеке, практически невидимых ненаблюдательному глазу, создавали ее образу некую загадку, тайное прошлое, которое может быть только у натуры необычной и глубокой.

Только у женщины с прошлым. Грустным и печальным. Страстным и счастливым. Что, впрочем, одно и то же.

Никто не знал, откуда она приехала в этот небольшой солнечный городок. Она сняла маленький домик для гостей у миссис Корнуэл. Та приняла ее со всем теплом и радушием, какое только могло сохраниться у одинокой замкнутой женщины, против которой уже давно ополчился весь окружающий мир.

Как оказалось, Ребекка Голди была по профессии парикмахером, что очень обрадовало миссис Корнуэл. Ведь она давно мечтала вновь открыть свою небольшую парикмахерскую, которая была закрыта со дня смерти ее мужа.

Парикмахерская. Одно название. Небольшая пристройка к дому миссис Корнуэл, с каменным крыльцом и панорамным окном до самой земли. Многие принимали ее за веранду основного дома и, только подойдя чуть ли не вплотную, натыкались на вывеску.

Ребекка старалась стоять боком к зеркалу, чтобы не смотреть Монтгомери в глаза. Одна небольшая прядь за другой медленно падали на пол.

Линда Литгоу в соседнем кресле с завистью наблюдала за этой печальной церемонией. Линда была прирожденным парикмахером. Ее пальцы начинали гореть, когда она прикасалась к волосам очередного клиента.

С самого первого взгляда на человека она видела, какая стрижка пойдет ему лучше всего. Она знала, как цвет, форма, длина волос меняют лицо. Она точно угадывала настроение человека и знала, что может предложить ему в данный момент.

И Линда всегда попадала в яблочко! Ее клиенты зачарованно вглядывались в зеркало и понимали, что этот новый образ – и есть то, к чему они уже давно были внутренне готовы.

Линда гордо стояла рядом и улыбалась отеческой улыбкой. Нет-нет, она ничего особенного не сотворила. Она просто немного помогла вашей природе проявить себя.

Поэтому характер и неуловимая внутренняя суть человека в кресле у Ребекки были у нее как на ладони. То, что это залетный гость высокого полета, было видно даже невооруженным взглядом.

Линда видела немного глубже. Есть мужчины, которые знают, насколько они хороши, хотя никому не показывают, что прекрасно осведомлены о своей неотразимости.

Окружающие могут видеть это по изысканно-небрежной бородке либо по тончайше острому углу бакенбард. Все это выверено и точно рассчитано с раннего утра, и даже со вчерашнего вечера, но об этом, разумеется, никто не должен догадаться.

О личном нарциссизме говорит также такой атрибут, как небрежная серьге в ухе, мол, это не я, это моя бабушка тут забыла, а я вовсе ни при чем. Но это слишком уж видимый антураж.

Мужчина в кресле Ребекки Голди был хорош по всем параметрам. Но ему было глубоко на все эти параметры наплевать.

Его шикарная густая шевелюра мешала ему в жару. Свои темные ресницы и умопомрачительно голубые глаза он видел в зеркале только по утрам, во время бритья, да еще на фотографиях в документах. А позавчерашняя щетина – это плод бессонных ночей над каким-нибудь серьезным проектом, а не выверенный импозантный имидж.

Этот мужчина был хорош по своей природе. Но он не тратил силы и время на любование своей неотразимостью. Он шел по жизни вперед и успевал переделать очень много разных дел во благо обществу в целом и окружающим его людям в частности.

Пока Линда Литгоу все это обдумывала, Ребекка Голди подстригла ровно половину его головы. Грустно остановилась, прижала к груди ножницы и стала созерцать дело рук своих в зеркале.

Поняла, что второй половине головы пойдет совсем другая прическа. Опять грустно вздохнула. И стала подводить всю голову целиком ко второму варианту.

Линде в такие моменты всегда хотелось подбежать, забрать у Ребекки ножницы и расческу и все доделать самой. Переделать, перелицевать и подвести к совсем иному окончательному варианту.

Но она вовсе не сердилась на Ребекку, она любила ее как подругу. Просто у Ребекки было какое-то другое призвание, и в этом никто не был виноват. Не все открывают для себя свое призвание, что ж поделать.

Монтгомери Холдену хотелось закрыть глаза и заснуть. Заснуть, чувствуя тепло ее пальцев, ее дыхание близко-близко, ее неслышные шаги. Слишком долго он шел к этому, а теперь не знал, что делать.

3

– Кажется, он спит, – сказала Линда.

– Вижу, – сказала Ребекка.

– Будем будить?

– А зачем?

– Действительно, зачем, – сказала Линда, – вроде никому не мешает. Пусть еще немного поспит.

Ребекка согласно кивнула.

– Вот только если сюда опять миссис Корнуэл явится, то нам обеим несдобровать, – закончила свою мысль Линда.

Линда Литгоу от нечего делать медленно крутилась в своем в кресле. Посетителей в парикмахерской так и не прибавилось, а уже почти целый час со времени открытия прошел.

– Почему несдобровать? – Ребекка задумчиво смотрела на мужчину.

– У тебя клиенты во время стрижки уже засыпают, – улыбнулась Линда, – я даже в кино такого не видела!

– Ну, – сказала Ребекка, – не все же в кино должны показывать.

– Действительно, – согласилась Линда, – это совсем новый сюжет.

Монтгомери Холден открыл глаза и встретился взглядом с Ребеккой. Она вздрогнула от неожиданности и выронила ножницы. Грохот прокатился по маленькому помещению парикмахерской.

Ребекка исчезла под большим креслом. Через время появилась, с ножницами в руках. И себя заодно постаралась взять в руки.

Монтгомери Холден грустно наблюдал за ней. На голове у него было практически то же самое, что и до стрижки. Но он решил больше не истязать сегодня бедную девушку.

Стричь людей она никогда не умела. Вообще этим не занималась. Впрочем, может, призвание открылось, все бывает. Хотя если посмотреть в зеркало… Хорошо, не будем о грустном.

– Э-э-э… Монтгомери, вам бы еще побриться не мешало, – сказала Линда.

Ребекка просто съела ее взглядом.

– Я очень хорошо это делаю, – невозмутимо продолжила Линда.

Она показала взглядом Ребекке, что работа есть работа, клиентов – по нулям, а заработная плата напрямую зависит от выручки.

– Я подумаю об этом, – Монтгомери Холден улыбнулся Линде сногсшибательной улыбкой, – а сейчас мне некогда. Очень некогда.

– Что, в восемь часов утра – и уже некогда? – кокетливо улыбнулась ему Линда.

– О да. А уже восемь утра? Да мне просто страшно некогда.

Монтгомери Холден встал с кресла. Ребекка бросилась складывать накидку, запихивать ее в ящик. Оттуда стали вываливаться другие предметы, которые с трудом поместились там раньше.

Монтгомери не стал долго за всем этим наблюдать. Он наклонился и оставил деньги на полке перед зеркалом.

Огромный великан. Он еще немного посмотрел, как Ребекка трясущимися руками пыталась поймать пару расчесок, но те все равно полетели на пол.

Он повернулся к Линде.

– А вам – спасибо за идею.

– За какую идею? – не поняла Линда.

– Я буду у вас бриться по утрам, – улыбнулся Монтгомери Холден.

– По утрам? – удивилась Линда. – Вы что, переехали в это захолустье?

– Ну не совсем так, – сказал Монтгомери. – Скажем, я здесь в длительной командировке. Примерно до конца лета.

– До конца лета? – поразилась Линда. – Но что вы здесь забыли?

Но он уже вышел из парикмахерской.

Ребекка упала в кресло. Джин с тоником. Прохладный. Нет, лучше сразу виски. Со льдом.

– Где я его видела? – спросила Линда. Она подошла к входной двери и задумчиво смотрела вслед мужчине. – Такое ощущение, что это какой-то известный человек, – задумчиво сказала она, – может, даже политик. Ты видела его где-нибудь? Ну, я имею в виду – по телевизору или фотографию в газетах?

– «Пески времени», – сказала Ребекка.

– Что – пески времени? – не поняла Линда.

– «Дары любви».

– Что – дары любви?

Ребекка вздохнула.

– Это Монтгомери Холден.

– Что? – Линда от удивления всплеснула руками. – Как? Ой, слушай, это действительно он! Это же мои любимые фильмы! И ты молчала?

– Я должна была кричать и подпрыгивать от счастья?

– Монтгомери Холден в этом захолустье? – Линда все не могла прийти в себя. – Что он здесь забыл? О боги! О мама миа! О боги!

– Ты определись, – спокойно сказала Ребекка, – боги или мама миа?

– Но что он тут забыл?! – продолжала восклицать Линда. – Он будет снимать здесь новый фильм?! Но где? Тут даже ни одного порядочного дома нет для порядочной натуры. Кругом один океан.

Обессиленная от впечатлений Линда наконец немного успокоилась и села на порог парикмахерской. Обессиленная Ребекка сидела в своем кресле.

– Давай будем считать, что он нам привиделся? – предложила Линда.

Ребекка слабо покивала головой.

Да. Виски со льдом. Прямо сюда. В эту богом забытую парикмахерскую. В восемь часов утра. На двоих.

Хорошо, что миссис Корнуэл не видит, что наделал здесь сегодня с утра пораньше один-единственный клиент.

4

Монтгомери Холден невозмутимо направлялся к единственной в городе гостинице, где разместилась его съемочная группа. В этом городке даже дорог-то приличных не было, один песок кругом.

От малейшего дуновения ветра песок поднимался в воздух прозрачной пылью, шелестел под ногами. Океан дышал поблизости, только руку протяни.

Рай. Не обустроенный, не замученный благами цивилизации. То, что нужно для съемок его фильма – об одиночестве, проблемах, крушении надежд и обретении чего-то нового в этом раю.

И не думать о ней. Не думать. Сейчас пока не думать. Иначе можно сразу сойти с ума. А ведь для этого еще – все лето впереди. Сходи с ума сколько хочешь.

Ребекка Голди после обеда не вышла на работу. Она еле-еле до своей кровати добралась. Линда пришла ее проведать. Долго и сочувственно смотрела на подругу, но, кажется, ни о чем не догадалась.

– С чего это у тебя голова сегодня разболелась? – недоумевала Линда, – вроде хороший солнечный день, и в последних новостях не пугали переменами давления. Да и миссис Корнуэл сегодня как огурчик, с семи утра уже на ногах – нас контролирует.

– Сама не знаю, – сказала Ребекка, – может быть, от палящего солнца.

– Солнце теперь каждый день будет палить – лето наступило, – напомнила Линда.

Ребекка улыбнулась.

– Значит, просто не выспалась.

– Понятно, – кивнула Линда, – небось опять полночи свои любимые романы читала?

Ребекка тяжело вздохнула.

– Не без этого.

– А если миссис Корнуэл вновь нагрянет? – спросила Линда.

– Скажи ей, если хочет, пусть возьмет какое-нибудь ружье и пристрелит меня, – сказала Ребекка, – а на работу я сегодня больше не выйду.

– Ого, как все серьезно, – улыбнулась Линда. – Ну хорошо, оставайся здесь, а я пойду. А то обеденный перерыв уже закончился. Может, еще какой-нибудь именитый режиссер будет мимо проходить.

Ребекка тоже улыбнулась.

– Иди-иди, – сказала она, – все может быть.

Когда Линда ушла, Ребекка намочила полотенце и положила его на лоб. А у нее действительно болит голова, она и не заметила.

Что забыл здесь Монтгомери Холден? В этом забытом богом раю? В этом раю ее одиночества?

Вечером Линда все-таки уговорила миссис Корнуэл открывать парикмахерскую хотя бы на час позже. А то что это такое? Кто в такую рань стричься пойдет?

Они мирно сидели в уютной кухне в доме миссис Корнуэл. Перед ними стояли бокалы с недвусмысленными напитками.

– Не скажи, – говорила миссис Корнуэл, – сегодня с утра, например, видали, какой вам залетный принц попался? Ах, хорош! И если бы не мои семь часов утра, так бы и пролетел он мимо вас.

Линда любезно подлила неразбавленный джин в бокал миссис Корнуэл.

– Подождал бы до восьми утра ваш залетный принц, – сказала она, – если ему так не терпелось подстричься.

– Не скажи, – говорила ей совсем разомлевшая миссис Корнуэл, – у таких принцев дел по горло, станут они ждать, когда откроется наша парикмахерская. Не станут! Они полетят в другую парикмахерскую!

Но тем не менее уже к третьему бокалу Линде все-таки удалось переубедить миссис Корнуэл. Наплыв клиентов, если, конечно, это можно назвать наплывом, бывает только после обеда. Так зачем торчать в парикмахерской в такую рань и тратить силы на то, чтобы устоять на ногах и не заснуть?

Миссис Корнуэл скрепя сердце согласилась. Сама-то она была ранней птахой, с пяти утра сна уже ни в одном глазу, вот ей и не терпелось своих работниц тоже с утра пораньше делом занять.

Хотя она понимала, что это в общем-то не дело. В смысле – в такую рань клевать носом в ожидании несуществующих клиентов.

Поэтому Линда и Ребекка на следующий день пришли на работу на час позже указанного на дверях времени. И сразу же увидели его на пороге парикмахерской. Пришел побриться, как и обещал.

Вот чем Линде нравились такие роскошные мужчины, так это тем, что они всегда держат слово. Ребекке тоже в общем-то нравились такие мужчины. Если бы этим мужчиной не был Монтгомери Холден.

– Опаздываем. – Он обворожительно улыбнулся им обеим.

Расположился прямо на крыльце. Очень удобно. Рядом стоял кейс с бумагами. Читал какие-то распечатки и по ходу дела там все вычеркивал.

– Доброе утро! – радостно ответила ему Линда.

Ребекка посмотрела на него исподлобья и ничего не сказала. Ну? Что он придумает сегодня?

Монтгомери Холден спокойно смотрел ей в глаза. С интересом и участием. Вряд ли он меня узнал, успокаивала саму себя Ребекка, столько лет прошло, столько воды утекло.

Пока Линда возилась с замком, у Ребекки кружилась голова от невообразимого запаха его одеколона. Такого знакомого и давно уже нереального.

Черт подери, она специально так долго с замком возится, что ли? Ребекка прислонилась к каменной стене парикмахерской и смотрела на океан.

Тяжелые океанские волны устало накатывали на берег и отползали обратно. Этот мерный шум отвлекал и немного успокаивал. Утреннее солнце уже потихоньку грело близлежащую территорию.

С грустью Монтгомери Холден смотрел на Ребекку. Конечно, она изменилась до неузнаваемости.

Кто бы мог подумать. Столько лет прошло. Да еще ее травмы. Она очень тяжело тогда все это пережила. Ей досталось больше всех.

– Ну вот, наконец-то, – сказала Линда и гостеприимно распахнула дверь парикмахерской.

Вошла первой. Но остановилась на пороге и оглянулась, почуяв неладное. То ли внутреннее чувство, то ли женское чутье, то ли просто подозрительная тишина за ее спиной.

О да, конечно. Он смотрит только на Ребекку. Ведь это образ Ребекки – соткан из солнца и тумана, брызг океана и шума прибоя.

И эта печаль в ее глазах. И пусть даже она в тридцать лет не нашла свое призвание. Таким, как Ребекка, это не обязательно. За ними и так – придут и поведут их за собой. Те, кто нестерпимо ждал всю свою жизнь эту боль, эту загадку и печаль.

А Линда – что? Линда Литгоу уверенно стоит на ногах и звезд с неба не хватает. Она может быть только хорошим другом. Проверенным и надежным. Такому другу можно рассказывать и доверять. А в туман и брызги океана – уходить с другими.

В парикмахерской Монтгомери Холден направился к креслу Ребекки. Ребекка открыла рот, чтобы сказать, что она не умеет брить и не собирается этому учиться, как задняя дверь отворилась и в помещение просунулась голова радостной миссис Корнуэл.

Видимо, ей еще со вчерашнего вечера было радостно. Джин пришелся ко двору.

– Я только поздороваться, – сказала, улыбаясь, миссис Корнуэл.

Увидела вчерашнего клиента и оторопела. А что она думала? Что он тут случайно и проездом? Бросила взгляд на Ребекку. Ребекка держалась молодцом.

Миссис Корнуэл направилась к креслу Линды. Сама Линда во все глаза смотрела на Монтгомери Холдена. Как же это она его вчера не узнала? Режиссер с мировым именем! В этом захудалом городке!

Хоть бы одним глазком на него немного посмотреть. Вежливый, роскошный. Вчера даже познакомился с ними. Имени своего не скрывал. Открыт и дружелюбен.

Спросить, что он собрался делать в их крохотном городке? А чего спрашивать? Наверняка, это скоро и так всем известно будет.

А вот девушку на лето Монтгомери Холден, пожалуй, себе здесь уже нашел. Глаз не сводил с Ребекки в зеркале, пока она неловко повязывала ему накидку на шею.

Словом, даже разговорчивая Линда сегодня как будто языка своего лишилась. Ребекка – та и вовсе молчит со вчерашнего дня.

– Как дела? – вежливо поинтересовалась у всех миссис Корнуэл.

Отвлекала во время работы. Если бы Линда или Ребекка сами отвлеклись, такой разгром устроила бы. А ей, видишь ли, можно.

– Все хорошо, – сказала Линда, – вроде бы ничего особенного не случилось.

– Что, никаких новостей? – растерянно спросила миссис Корнуэл.

– Какие могут быть новости со вчерашнего вечера? – удивилась Линда.

Ребекка и мужчина молчали. Что там происходит? Миссис Корнуэл и Линда незаметно вытягивали шеи, чтобы посмотреть, как его бреет Ребекка.

Но Ребекка закрывала спиной маленькие, еле заметные дорожки крови на его лице. И Монтгомери Холден тоже виду не подавал, что она его порезала.

Он смотрел ей в глаза в зеркале, он не мог не смотреть. И она тоже не могла отвернуться. Напряженная, ощутимая тишина висела в парикмахерской.

Миссис Корнуэл чувствовала себя неловко в кресле Линды, но уходить никуда не собиралась. Линда делала вид, что разбирает инструменты на своем рабочем столике.

С горем пополам Ребекка наконец-то справилась с бритьем. Промокнула подбородок Монтгомери свежим полотенцем. Прошлась гелем после бритья.

Монтгомери Холден молча встал. Он стоял близко-близко. Если бы не посторонние люди в помещении, он обнял бы ее, прижался бы к ней всем телом, вдохнул запах ее волос и уже никогда не отпускал…

Но он только вздохнул, вытащил из кармана деньги и положил на полку.

Сказал:

– Спасибо. До завтра.

И направился к выходу.

Линда, проследила за ним взглядом, полным глубокого разочарования. Она надеялась на глубокую утреннюю беседу с заезжим гостем. А тот выскочил из парикмахерской как ошпаренный. Вчера он был более разговорчивый.

Наверняка Ребекка его ужасно побрила. Вчера кошмарно подстригла, а сегодня ужасно побрила. Но миссис Корнуэл никогда ее не уволит.

Миссис Корнуэл, сидя в кресле Линды, думала о том же. Как бы ни стригла Ребекка своих клиентов, она ее все равно не уволит.

Потому что Ребекка Голди напоминает ей одну актрису, которая вот уже много лет как исчезла с радаров мировых новостей. А у миссис Корнуэл глаз наметан. Ох как наметан.

– Все, я больше не могу, – говорила себе Ребекка Голди вечером, ложась в кровать.

Весь день ей попадались какие-то рыбаки с грубыми подбородками, на которых она училась брить отросшие щетины. Линда Литгоу специально отправляла всех этих типов к Ребекке, чтобы та попрактиковалась и не мучила завтра одну

известную залетную личность новыми порезами.

А Ребекка хотела уехать отсюда. Немедленно и куда-нибудь подальше. Несколько раз открывала шкаф и доставала чемодан. Но куда она поедет? Кто ее и где ждет? Никто и нигде ее не ждет.

Родителей она не помнила с детства. Приемные родители ушли в мир иной, как только она поступила учиться. Друзей она давно растеряла.

Правда, мир бережно хранил саму Ребекку и посылал ей в жизни и новых людей, и интересные события. Но… была в ее жизни какая-то безысходность. Было ощущение, что все происходит по какому-то тайному плану, который не отвечал чаяниям и надеждам самой Ребекки. Как будто кто-то свыше проверял ее на терпение, стойкость и выносливость.

И Ребекка с интересом ожидала окончания всех этих проверок. Кто ждет, тому – что? Бог подает? Ах, нет, это тому, кто рано встает. Интересно, интересно, а что бывает тому, кто терпеливо ждет?

– Все, больше не могу, – говорил сам себе Монтгомери Холден уже далеко за полночь, укрываясь колючим гостиничным одеялом.

Времени на вечерний заплыв сегодня не осталось, а завтра надо на другой конец бухты бриться идти. Хотя в его съемочной группе были свои стилист и парикмахер. Но Монтгомери не мог не идти туда.

Он уже ничего не мог поделать. Еще удивительно, как он свой фильм собирается снимать, а не бросил все на самотек после того, как опять услышал этот голос. Голос из далекого прошлого, больного, но не забытого.

5

Небольшой город, в котором жили Линда и Ребекка, находился вдали от скоростных трасс, на самом берегу океана, Это был скромный и неприметный городок, мало тронутый туристами и цивилизацией.

Дикая природа, прибрежные скалы, желтый песок, палящее солнце, весьма своеобразная растительность, местами переходящая в кактусы и колючки, морские птицы днем и летучие мыши по ночам. Городок, можно сказать, расположился у Бога в ладонях.

У Бога, оказывается, есть немало таких городов. Так думал Монтгомери Холден, когда впервые познакомился с будущим местом съемок по фотографиям. Его агенты еще с весны были заняты поисками именно такого городка на краю цивилизации.

И они добыли ему немало похожих на этот заброшенных уголков. Где еще не было понастроено белоснежных гостиниц с яркими черепичными крышами, а океанский берег не был усеян многочисленными барами и ресторанчиками и разделен на отдельные пляжи разнообразными изгородями.

Но именно на этом месте решил остановиться Монтгомери Холден. Огромные скалы, обрамлявшие бухту, песчаный берег, неброская растительность и океан – это было как раз то, что требовалось по сюжету.

Да и любопытствующих зрителей во время съемок будет поменьше – только местные жители. Мало кто из туристов добирался сюда, никаких достопримечательностей здесь почти не было.

Фильм будут снимать прямо на берегу, расстояние от скал до океана приличное, и здесь вполне поместятся декорации. Погода установилась отличная, и океан уже не собирался преподносить какие-либо сюрпризы.

Но было еще одно «но». На одной из фотографий, присланных агентами Монтгомери Холдену, был запечатлен небольшой дом. Дом самый обыкновенный. Каменное крыльцо и панорамное окно до самой земли. Над окном вывеска – парикмахерская. А на крыльце две женские фигуры.

И когда Монтгомери Холден бросил взгляд на одну из них, у него чуть сердце не остановилось. Полночи он вглядывался в эту фотографию.

Пил виски и снова вглядывался. Держался рукой за сердце. Давно оно у него так не болело. Просто устало однажды болеть и все. А теперь вот опять заболело.

Это была она. Или это была не она. Оставалось надеяться только на свое внутреннее чувство и на эту сердечную боль. Но уже на следующее утро Монтгомери Холден определился с местом будущих съемок. Он просто не мог не поехать в этот городок.

Так что техники и декораторы съемочной группы уже второй день устанавливали на берегу бутафорские и настоящие трейлеры, вокруг которых все и будет происходить.

Оставалось привезти бутафорскую растительность, технику, да и все остальное. И место в раю героям его фильма обеспечено.

На следующий день миссис Корнуэл уже знала все и во всех подробностях. В городе будут снимать кино. И будут снимать его все лето.

Так что впечатлений и рассказов – до следующего года хватит, такое в городке впервые. А потом все эти события и вовсе легендами обрастут.

Готфрид и Глэдис Уилсон, которым принадлежала арендованная съемочной группой гостиница, были счастливы. Впервые они сдали свою гостиницу оптом и на такой долгий срок.

Все лето гостиница будет полна одних и тех же людей. И не нужно будет судорожно носиться как с писаной торбой с каждым новым посетителем, волей случая заглянувшим в гостиничные двери.

– Как же я сама не догадалась, что в нашем городе собираются кино снимать, – сказала миссис Корнуэл Готфриду и Глэдис Уилсон. – Видела же, что что-то необычное в ваших краях творится.

Дом миссис Корнуэл находился на другом конце бухты, и ей пока просто было лень прийти сюда и поближе посмотреть, что за строительство здесь идет.

– И все это будут неподалеку от нашей гостиницы снимать, – гордо сказал ей Готфрид Уилсон.

Миссис Корнуэл стояла рядом с важной четой Уилсон и открыто им завидовала.

– Ничего, – утешил ее Готфрид, – может, и твоя парикмахерская в кадр попадет.

– О большем и не мечтаю, – сказала миссис Корнуэл, сложив руки на груди.

– Вряд ли ее парикмахерская в кадр попадет, – фыркнула вредная Глэдис Уилсон, – она же на другом конце бухты находится.

– Откуда ты знаешь, где будут снимать? – спросил ее муж. – Тоже мне режиссер нашелся.

– Ой, вы только не ссорьтесь из-за меня, – сказала миролюбивая миссис Корнуэл.

– Вот еще, из-за тебя, – вновь фыркнула Глэдис, – мы по двести раз на дню ссоримся, это наше обычное состояние.

Тогда миссис Корнуэл стала завидовать им еще и по этому поводу. Ей-то ссориться уже давно было не с кем.

Несмотря на занятость, режиссер с мировым именем Монтгомери Холден в этот день ровно в восемь утра уже был на противоположном от гостиницы краю городка – у дверей парикмахерской. Он докурил неизвестно какую по счету сигарету и выбросил ее в урну, которая стояла у крыльца.

Монтгомери Холден поднялся по ступенькам и вошел в небольшое помещение парикмахерской. В сотый раз объясняя самому себе, почему он должен сказать ей, что он узнал ее. И чтобы она не отрицала, что это она. И что это он. И он не может без нее жить.

Запутанно, витиевато, но чертовски верно. Пусть не отрицает, что это она, потому что это она, и у него сердце едва не отказало, как только он увидел ее на той фотографии. А потом и ноги подкосились, когда он, подходя к раскрытой

двери парикмахерской, услышал ее голос.

В парикмахерской Ребекки не было. Скучающая Линда вскочила со своего кресла. Несколько секунд они молчали.

– Здравствуйте, – сказала Линда.

Монтгомери Холден кивнул. Возникла неловкая пауза.

– А Ребекки не будет, – сказала Линда, – у нее голова третий день болит. Но я тоже умею брить.

Лицо режиссера было в мелких порезах после вчерашнего бритья.

– Может, врача? – сказал он.

– Кому? – не поняла Линда.

– Тому, у кого голова болит.

– Ах, нет, само пройдет.

– Все-таки – третий день.

– Нечего, справится, – сказала Линда. – Так что насчет побриться?

– Нет, – улыбнулся Монтгомери Холден, – извините. Но я так не могу.

– Что вы не можете? – не поняла Линда. Вроде побриться пришел.

– Менять личных парикмахеров и адвокатов, – сказал Монтгомери.

– Вы же с ней всего два дня знакомы, – сказала Линда.

Все понятно. Не бриться он сюда ходит. Тут нечто большее.

– Это дело чести, – улыбнулся Монтгомери Холден.

Еще неловко постоял, подождал, вдруг появится Ребекка. Но – нет. Никто не возник в дверном проеме, прямо из утреннего тумана и соленого воздуха.

Монтгомери Холден на прощание кивнул Линде, развернулся и вышел.

– Бог мой, какой мужчина, – сказала Линда сама себе, оседая в кресло.

Хоть бы миссис Корнуэл пожаловала, что ли. А то со скуки можно заснуть. О нет, пусть не пожалует. Увидит, что Ребекка уже с утра прогуливает.

Но миссис Корнуэл все-таки пожаловала. Возникла на пороге парикмахерской прямо из утреннего тумана.

Линда даже вздрогнула. Обычно миссис Корнуэл появлялась со стороны задней двери. А тут уже и дышит с утра пораньше так тяжело, будто на другой конец городка гоняла. Интересно, какие новости принесла на хвосте?

– Кино! – важно сказала миссис Корнуэл.

– Что – кино? – спросила Линда.

– Кино будут снимать!

– В нашем захолустье?

– У нас город – у самого Бога в ладонях расположен! – сказала миссис Корнуэл.

– Мог бы растений ваш Бог побольше посадить, – сказала Линда.

– Растения здесь как раз по климату! – обиделась за свой родной городок миссис Корнуэл. – Большие растения здесь быстро засохнут.

– Да и климат можно было помягче сделать, – подливала масло в огонь Линда, – разве может нормальный человек такую жару переносить?

– Ты ничего не понимаешь, – сказала миссис Корнуэл, – надо любить то место, в котором живешь, а вам, молодым, все не так. Все миражи какие-то ищете. А красоту под боком и не замечаете.

Линда зевнула. Ей бы спать в такое время, а не лекции о нравственности слушать.

– А где же наша девочка? – поинтересовалась миссис Корнуэл.

Ну вот – наша девочка. А Линда, значит, просто манекен. Хотя именно от Линды прибыль-то вся и идет. От одной Ребекки давно бы пришлось опять закрыть вашу парикмахерскую, непочтительно подумала Линда.

– Приболела наша девочка?

– Приболела, – сказала Линда, – после обеда выйдет. Все равно нет никого.

– Думаю, раз в городе новые люди появились, значит, у нас теперь и клиентов побольше будет, – с надеждой сказала миссис Корнуэл.

– Это вы о съемочной группе? Так у них свои стилисты должны быть, – остудила ее мечты Линда.

– О, а я и не подумала, – разочарованно сказала миссис Корнуэл.

– Вот-вот.

Линда от нечего делать принялась, как обычно, медленно крутиться в своем кресле.

– А чего же он тогда опять сюда приходил, – остановила ее своим вопросом миссис Корнуэл, – раз у них свои стилисты должны быть?

– Кто приходил?

Миссис Корнуэл кивнула на входную дверь.

– Как кто, – сказала она, – режиссер ваш. Когда сюда шла – нос к носу столкнулись.

– А-а, – сказала Линда, – так ему наша девочка приглянулась.

– Ты думаешь? – раскрыла рот миссис Корнуэл.

– Уверена, – вздохнула Линда.

Видали ведь, как она его вчера изрезала, когда брила, подумала Линда, а он с утра пораньше опять тут как тут.

Миссис Корнуэл растерянно села в кресло Ребекки.

– И что делать-то будем? – спросила она у Линды.

– А что нам делать? – не поняла Линда. – Это уже не наше дело.

– А чье же?

– Не наше и все, – пожала плечами Линда, – больше ничего не знаю.

Миссис Корнуэл покачала головой, но ничего не сказала. Вышла через заднюю дверь. Поднялась по лестнице в свою спальню. Достала из шкафчика сердечные капли и стала старательно капать в стакан с водой.

Сбилась со счета, накапала двойную дозу и выпила все залпом. Что дальше-то будет, если этот режиссер тоже узнал Ребекку?

В обеденный перерыв Линда и Ребекка ели тосты с сыром и фруктовый салат. Линда ненавязчиво разглядывала Ребекку. Ребекка была бледная, но спокойная.

– Ну и чего ты его боишься? – спросила Линда.

– Кого? – не поняла Ребекка.

Линда улыбнулась.

– Режиссера этого!

– С чего ты взяла, что я его боюсь?

– А почему же тогда голова третий день болит? – спросила Линда.

– Ну, – Ребекка немного подумала, – потому что лето наступило.

– Не смеши людей, – сказала Линда, – хочешь, я скажу ему, чтобы он больше не приходил?

– Что ты, – улыбнулась Ребекка, – а как же он будет бриться?

– Так же, как и до этого брился!

Они немного посмеялись.

– Миссис Корнуэл обо мне что-нибудь говорила? – спросила Ребекка.

– Сказала, что если ее любимая девочка решила забить на свою работу только потому, что в нашем городе собрались в кои-то веки кино снимать, – сказала Линда, – то пусть делает то, что хочет.

– Это хорошо, – сказала Ребекка.

Линда третий день наблюдала за подругой. Интересно, а как бы она сама повела себя, если бы ее вдруг стал преследовать режиссер с мировым именем?

О да, она, наверное, тоже слегла бы с головной болью. Теперь понятно. Выхода не было.

– Ну а он-то тебе понравился? – осторожно спросила Линда.

Ребекка чуть тостом не подавилась.

– Кто понравился?

– Режиссер этот!

– Думай, что говоришь, – сказала Ребекка, – мы живем в разных мирах.

– Это так, но в данный момент ваши миры пересеклись.

– Это не пересечение.

– А что же это? – улыбнулась Линда.

– Это просто мираж на дороге, – вздохнула Ребекка.

6

Однако на следующее утро, Ребекка взяла себя в руки. Бледная от ночной бессонницы, она твердо решила играть свою роль до конца. Роль, как спокойная, независимая и уверенная в себе парикмахерша без каких-либо внешних эмоций будет брить режиссера с мировым именем.

Солнце заглядывало в дверь парикмахерской, морские птицы летали где-то вдали над океаном. Песок иногда слегка вздымался от незаметного ветерка. А Ребекка Голди только через час после открытия парикмахерской поняла, что Монтгомери Холден сегодня не придет.

Зато в парикмахерскую, как обычно, заглянула миссис Корнуэл. Развлечений в жизни у нее было мало. Да куда там мало. Почти не было.

– Сходили бы к Уилсонам, – дружески сказала миссис Корнуэл, удобно устраиваясь на одном из стульев под сушилкой для волос.

Ребекка и Линда, как обычно, сидели каждая в своем кресле.

– Это еще зачем? – подозрительно спросила Линда.

– Посмотрели бы, как кино снимают, – сказала миссис Корнуэл.

– Когда же мы сходим, если мы все время на работе? – сказала Линда.

Ребекка уже третий день молчала. Не пререкалась, не шутила. Миссис Корнуэл незаметно наблюдала за ней.

– После работы и идите, – посоветовала миссис Корнуэл, – дни сейчас длинные, солнце поздно садится.

– После работы у нас уже сил никаких нет, чтобы на другой конец города тащиться, – сказала Линда.

– В ваши-то годы и сил нет, не смешите меня. Я в ваши годы на двух работах работала и еще на танцы бегала.

– Какие танцы? Мы же в этом городке всех как облупленных знаем, – сказала Линда.

– Вот же я и говорю, идите на новых людей посмотрите, – сказала миссис Корнуэл.

Ребекка сидела в своем кресле, читала очередной роман и пребывала, как всегда, в другом мире. Мире, где герои непременно находят друг друга, где они любят друг друга до конца дней своих и где добро обязательно побеждает зло.

А может, Ребекке и не нужно туда ходить? – подумала миссис Корнуэл. Зачем ей туда идти? Может, из этого ничего хорошего не выйдет?

Линда медленно крутилась в кресле, смотрела на открытую дверь парикмахерской и ничего не думала. Ей нравилась ее жизнь, этот день, ветерок, залетающий в дверь. У нее все было хорошо.

С замирающим сердцем сидела в своем кресле Ребекка. Он не придет, думала она, сказка кончилась.

А Монтгомери Холден решил дать Ребекке выходной и с утра пораньше истязал себя работой. Рано утром приступили к пробным сценам у океана.

С первого взгляда сюжет был несложный. В главных ролях были всего четыре человека.

Первые двое – пара молодоженов, которые приехали в эту глухомань на медовый месяц. У них все только начиналось, они собирались строить здоровые, длительные отношения, исполнять желания друг друга и никогда не ссориться.

И другая пара, на грани развода, – вроде как попрощаться перед расставанием. Они знали, что их пути расходятся и им уже никогда не быть вместе, но их многое связывало, им было грустно, и они хотели проститься по-хорошему.

Забегая вперед, скажем, что в конце фильма разбегалась пара, которая справляла медовый месяц. А пара, которая приехала распрощаться, собиралась жить вместе еще очень долго и счастливо.

Никаких детективных сюжетов и триллеров Монтгомери Холден не выносил. Почти все его фильмы были тонкими психологическими драмами. Даже если это были легкие комедии.

Первую пару играли Джим Клептон и Сессилия Кейн. Это были молодые, начинающие актеры, они смотрели на Монтгомери Холдена как на бога, ловили каждое его слово и собирались делать на съемочной площадке все, что он им скажет. Большего от них в общем-то и не требовалось.

Вторую пару играли Роберт Фонтейн и Аманда Стайгер, они были давними друзьями Монтгомери. Аманде было лет тридцать пять, а Роберту – сорок, он был ровесником Монтгомери Холдена.

С ними всегда было весело и интересно, и они собирались хорошо импровизировать во время съемок. Им можно было доверять, они были профессионалами и никогда бы не навредили хорошему фильму своими отступлениями от текста.

А вот продюсерами фильма были не такие уж и близкие друзья Монтгомери – брат и сестра Джулия и Питер Роджерс. Эти люди тоже были очень давно знакомы с Монтгомери Холденом.

Монтгомери съел с ними за долгие годы знакомства не один пуд соли. Но что-то было не так в их отношениях. И Монтгомери все никак не мог бросить все свои дела и хорошенько подумать, что именно было не так.

Вроде Роджерсы – нормальные люди, умные, веселые, расчетливые, как и полагается всем порядочным продюсерам. А вот не лежала душа к общению с ними и все тут.

Контракт на новый фильм был подписан давно. Причем фильма-то самого не было, был просто контракт на некий фильм, который должен был снять для одной кинокомпании Монтгомери Холден.

И Роджерсы терпеливо ждали и особо не торопили, улаживали все проблемы с кинокомпанией. Во время встреч поднимали с Монтгомери Холденом бокалы за скорый проект, а потом опять расходились в разные стороны.

Так что откладывать дальше было уже некуда. Монтгомери Холден и так долгое время под разными предлогами уходил в сторону.

И вот наконец он все-таки освободил время в своем плотном графике и нашел подходящий сценарий. Было выбрано место будущих съемок, утвержден бюджет фильма, набраны актеры.

– Городок на самом краю вселенной, – рассказывала брату Джулия Роджерс, – помолись за меня, мой друг, это мой последний шанс.

– Милая, во-первых, я не верующий, а во-вторых, я могу обеспечить тебе еще полсотни таких шансов, – сказал ей Питер. – И даже согласен стоять где-нибудь неподалеку и наблюдать, когда ты наконец-то поймешь, что у тебя вообще нет никаких шансов с этим человеком.

– Надежда умирает последней, – грустно сказала Джулия, наливая с утра пораньше вторую порцию коньяка в пузатый бокал.

– Не пей столько, дорогая, – сказал ей в телефонную трубку Питер Роджерс, – а то ты себя скоро в зеркале узнавать не будешь.

– Я себя уже давно не узнаю, – ответила ему Джулия, – и ничего.

– Но если ты снова затеешь криминал, – сказал Питер Роджерс, – предупреждаю, нам опять придется очень долго выпутываться.

– Свиснешь, если сможешь предложить мне какой-нибудь не криминальный способ, – сказала брату Джулия, – я буду здесь, неподалеку.

И она залпом выпила свой коньяк.

7

Вечером Ребекка Голди пришла к миссис Корнуэл. Миссис Корнуэл заварила чай и собралась попотчевать Ребекку горячими сандвичами.

Но Ребекка и чай оставила в сторону, а к сандвичам и вовсе не притронулась.

– Можно, я отпуск возьму?

Миссис Корнуэл растерянно присела за стол рядом с Ребеккой.

– На какое время? – спросила миссис Корнуэл.

– Ну, – Ребекка немного подумала, – до конца лета – можно?

Миссис Корнуэл покачала головой.

– Никогда не нужно бояться изменения обстоятельств, – сказала она.

– Это вы к чему? – спросила Ребекка.

– Ведь только Бог может знать, к чему эти новые обстоятельства однажды приведут, – закончила свою мысль миссис Корнуэл.

Ребекка с подозрением посмотрела на миссис Корнуэл. Неужели она тоже заметила, как повлияли на Ребекку изменившиеся обстоятельства? Неужели не только Линда заметила, как Ребекка хочет скрыться на краю света от Монтгомери Холдена?

Но по лицу миссис Корнуэл ничего нельзя было понять. Нет, вряд ли она о чем-либо догадывается.

Ребекка Голди приехала в этот городок семь лет назад. Просто вышла ранним утром из междугородного автобуса на автобусной станции, оставила свой багаж в камере хранения и пошла на берег.

Солнце жарило песок под ногами, белоснежные чайки парили в небе, бирюзовый океан жил своей жизнью. А Ребекка села на большой камень на берегу и чуть ли не впервые за последние три года расплакалась.

Магда Корнуэл не спеша совершала свою ежедневную утреннюю прогулку вдоль берега, когда наткнулась на плачущую Ребекку. Миссис Корнуэл не поверила своим глазам – прямо перед ней сидела начинающая, но уже ее любимая актриса – Ребекка Макконахью!

Актриса, которая три года назад пропала без вести во время съемок своего очередного фильма. Там была весьма странная история.

Монтгомери Холден, известный режиссер, снимал в заснеженных горах очередную историю любви. Это был его подарок к их предстоящей свадьбе. Все газеты писали об их прекрасном романе.

Монтгомери Холден трепетно и настойчиво ухаживал за Ребеккой Макконахью. Ребекка только пару лет как окончила школу актерского мастерства, снялась всего в двух малобюджетных картинах, а ее игру уже отметили многие известные критики.

Монтгомери Холден увидел ее на экране и потерял покой. Тогда ему было чуть за тридцать, он был состоявшийся и известный режиссер, уже уставший от славы и работы. Ребекка Макконахью изменила его жизнь.

После встречи с Ребеккой у Монтгомери Холдена открылось новое дыхание. Он снял ее в легкой комедии на тропическом острове. Во время съемок начался их головокружительный роман.

На острове все было великолепно. Жаркое солнце, тропические растения, родники с прозрачной водой, экзотические рыбы у самого берега. Никто не хотел возвращаться в большой мир, съемочной группе хотелось остаться здесь навсегда.

Между Монтгомери Холденом и Ребеккой Макконахью были нежные и трепетные отношения. Монтгомери сделал Ребекке предложение. Она согласилась. Фотографии влюбленной пары были во всех газетах.

Фильм сорвал приличную прибыль при среднем бюджете. На Ребекку Макконахью посыпалась масса предложений. Но она мягко отказалась и стала сниматься в новом фильме у Монтгомери Холдена.

Новым фильмом была психологическая драма на борту корабля. Фильм и так был нелегкий, да еще во время съемок возник пожар в машинном отделении, который едва не перекинулся на кормовую часть, где как раз готовились к съемкам новой сцены. Никто не пострадал, но некоторое время ушло на выяснение обстоятельств, что задержало съемочный процесс.

Фильм сняли, игра Ребекки была превосходна, полна утонченной грусти и всепоглощающей любви, движения – грациозны, взгляд – загадочен. Словом, большая любовь делала свое благое дело – талант молодой актрисы раскрывался с разных сторон, и ее игра обретала свою неповторимую индивидуальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/elen-aleks_/pod-muzyku-lyubvi

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить